

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-1-82-90
УДК 821.161.1

Научная статья

Хунхуз в литературной рецепции

Линь Гуаньцюн, Н.М. Солнцева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Благородный разбойник – один из архетипов в мировой художественной литературе. Хунхуз – восточный вариант образа благородного разбойника. Как и его аналог в европейской литературе, он выразил неоднозначность, амбивалентность человеческой натуры. В отличие от героев Ф. Шиллера, А.С. Пушкина и других, образ хунхуза менее всего отмечен романтическими чертами. В прозе русских писателей-эмигрантов харбинской диаспоры он выразитель китайской ментальности; на него спроецирована специфика ориентализма, и вместе с тем его образ предельно объективен, что прежде всего характеризует прозу П.В. Шкуркина – автора этнографической прозы о разбойниках пограничной зоны российского Дальнего Востока, Маньчжурии, Кореи и Монголии. Контекст составляют произведения Ши Найяня, Пушкина, Шиллера, английского фольклора и т. д. Сопоставительный анализ позволяет выявить индивидуальные черты художественного восприятия хунхузничества Шкуркиным. Доказывается, что интерпретация Шкуркиным хунхуза близка образу разбойника в китайской, английской, немецкой литературе, а также в русской литературе XIX–XX вв.

Ключевые слова: амбивалентность, благородный разбойник, Китай, харбинская эмиграция, хунхуз

Введение

Хунхузы – своеобразные банды, которые существовали в пограничной зоне российского Дальнего Востока, Маньчжурии, Кореи и Монголии во второй половине XIX в. – первой половине XX в. Л.И. Бородовский дал им такую характеристику: «Хунхузы или хун-хуцзы (то есть краснобородые) <...> китайские бродяги и скитальцы, бежавшие от китайского правосудия или произвола китайских властей и добывающие себе средства к существованию путем грабежей и разбоев» [1. С. 778]. Русские писатели дальневосточной эмиграции («Черный капитан» Н.А. Байкова, 1901–1910; «В плену у хунхузов» И.П. Штейнберга, 2005; «Зеленый легион» Б.М. Юльского, 2011) и русские востоковеды (например, «Хунхузы: необъявленная война. Этнический бандитизм на Дальнем Востоке» Д.В. Ершова, 2010), описывая хунхузничество, акцентировали внимание на преступлениях. Лексема «хунхузы» часто ассо-

цируется с представлением о злодеях, чьи поступки составляют угрозу власти и народу.

Творчество П.В. Шкуркина

П.В. Шкуркин, писатель и синолог, также посвятил свою прозу столь яркому явлению в истории Китая, но, на наш взгляд, его художественное и этнографическое осмысления хунхузничества глубже произведений Байкова, Штейнберга, Юльского; его рассказы, как справедливо резюмирует Е.В. Мерашкина, «привносят некое новое более многогранное видение хунхузов и их сообществ» [2. С. 178]. В предисловии к сборнику рассказов «Хунхузы» автор настаивал на том, что в характерах хунхузов проявляется «жестокость, мстительность, человеконенавистничество, разбой с грабежом во всех видах, убийства», но вместе с тем они руководствуются критерием чести, они верны своему слову, они по-своему честны, они рыцари по отношению к женщинам; читатель рассказов не увидит в них «подлости и предательства» [3. С. 483]. В рассказах Шкуркина сделан акцент на противопоставлении банд, погрязших в необоснованной жестокости, и банд, преследующих высокие моральные принципы и сопротивляющихся властям во имя справедливости. Шкуркин – реалист, он отразил амбивалентность хунхуза как психотипа китайской действительности.

В ряде рассказов очевидны такие характеристики хунхузов, как алчность, корысть, безразличие к страданиям их жертв, грубость; пленники для них – источник наживы; убийства и грабежи составляют их образ жизни. Так, в «Отплате» хунхузы пленяют сына богатого казака; отец мальчика вместо выкупа кладет в пакет бумагу. Кульминация рассказа – эпизод, в котором казаки видят казненного хунхузами мальчика. В «Серьгах» хунхуз Чжан нарушает кодекс чести – вырывает у женщины серьги вместе с мочками. Однако в большинстве рассказов подчеркнуто милосердие, великодушие, благодарность хунхузов, их деятельность регламентирована строгими нравственными правилами, а представления о добре конкретизированы. Например, между хунхузами есть поверье: «<...> если ты без крайней необходимости, то есть не в честном бою, убьешь человека, то и сам будешь убит; жизнь за жизнь – неизбежный закон» [3. С. 509]. В рассказе «Старая хлеб-соль» главарь шайки хунхузов отпускает плененного русского – в прошлом своего благодетеля – и расстреливает хунхуза, который отобрал у пленного часы. В «Маньчжурском князьке» герой Хань Сяо-цзунь во время Японско-китайской войны (1894–1895) «скорбит своим китайским сердцем о неудачах наших [китайских. – Л.Г.] войск» [3. С. 535] и направляет триста хунхузов в помощь китайскому правительственному войску, что говорит о проявлении подлинного, действенного патриотизма, о благородстве разбойников в военное время. Шкуркин исходит из тезы «Хунхуз хунхузу – рознь» [3. С. 493], он различает их по нравственным и поведенческим особенностям. Благородство природы проявляют в основном хунхузы-главари («Отплата», «Старая хлеб-соль», «Как я сделался хунхузом», «Награда», «Маньчжурский князек»). Итак, хунхуз в рассказах Шкуркина неоднозначен, что отвечает реалистическому взгляду на природу человека.

Литературная традиция

Рассматривая тип хунхуза в изображении Шкуркина, мы учитываем контекст, сложившийся в литературе Китая, России, Западной Европы. Назовем наиболее репрезентативные произведения.

В Китае было опубликовано немало произведений о разбойниках (например, 杨书案 (Ян Шу-ань): «九月菊» («Хризантемы в сентябре»), 1981; 冲天将军 («Небывалый генерал»), 1984; 长安恨 («Досадный случай в Чанъане»), 1985; 姚雪垠 (Яо Сюэинь): 长夜 («Долгая ночь»), 1981; 萧军 (Сяо Цзюнь): 第三代 («Третье поколение»), 1983; 百里黑夫 (Байлихэйфу): 东北匪事 («О разбойниках на Северо-Востоке»), 2010; 单田芳 (Шань Тяньфан), 单瑞林 (Шань Жуйлинь): 乱世枭雄 («Герой смутного времени», 2012), но наиболее известен один из четырех китайских классических романов – «Речные заводы» (XIV в.) Ши Найяня, первый роман в жанре уся (своеобразный китайский героико-приключенческий роман).

Повествование в «Речных заводах» основано на народных сказаниях о подвигах и приключениях ста восьми благородных разбойников – повстанцев из лагеря Сун Цзяна на Ляншаньбо (зона в провинции Шаньдун) в правление восьмого императора династии Сун – Хуэй-цзуна (1100–1126). Описанная история трагична. Авторская характеристика повстанцев особенно выражена в сюжете и поведенческих характеристиках. Сун Цзян и другие повстанцы – люди чести, они храбры, верны кодексу братства. В романе Сун Цзян представлен под прозвищем «Благодатный дождь», что символично: как другие сто семь благородных разбойников, он бескорыстно помогает бедным людям. В начале сюжета местный судебный секретарь Сун Цзян дает проститутке Янь Поси деньги, чтобы она смогла похоронить своего отца. В знак благодарности ее мать дарит герою свою дочь, так Янь Поси становится его наложницей. Но Сун Цзян убивает Янь Поси, причина этого поступка в следующем: ей стало известно о том, что Сун Цзян предупредил своего побратима Чао Гаю о его аресте правительственными войсками за совершенное преступление. Этот случай – поворотный в сюжете: Сун Цзян вынужден бежать, он становится разбойником. Отметим, что уже в литературе XIV в. герой-разбойник показан неоднозначно, его искренний порыв помочь страждущему выявляет его благородство и жестокость, пренебрежение к женщинам. Мы соотносим описанную ситуацию с рассказом «Как я сделался хунхузом» из сборника «Хунхузы» Шкуркина. В обоих текстах выбор героями пути разбойника обусловлен преступлением – убийством. Обстоятельства, спровоцированные волей героев, моделируют их дальнейшую судьбу. Мы не располагаем данными, был ли роман «Речные заводы» известен Шкуркину, но очевидно, что и в произведении XIV в., и в рассказах русского синолога XX в. характер китайского благородного разбойника представлен как сложное явление в истории и культуре Китая.

Дальнейшее развитие образа хунхуза и в целом темы хунхузничества претерпело коррективы. Хотя группа повстанцев Сун Цзяна выступает про-

тив власти, поддерживает крестьянское сословие, в конечном итоге повстанцы идут на компромисс, по сути, смиряются перед правительством и вливаются в государственную армию. Герои Ян Шу-аня, Яо Сюеиня, Сяо Цзюня, Байлихэйфу, как большинство хунхузов в рассказах Шкуркина, остаются бандитами до конца своей жизни. Если кто-то предаёт братство (отряд, шайку, банду, вольницу) хунхузов, его ждёт казнь. Так, хунхуз-конвоир в рассказе «Старая хлеб-соль» отбирает часы у благодетеля главара. В «Серьгах» хунхуз Чжан оскорбляет женщину. Оба они поступают не по-хунхузски. Считается, что они не достойны звания «независимого храбреца», и они погибают: в первом случае по воле главара банды, во втором – от пули маньчжурских милиционеров. Традиционно в художественной литературе хунхузы проявляют преданность своему делу в ущерб стабильности, упорядоченности своего существования, что отличает их от 108 разбойников из «Речных заводей».

Восточной поэтизации хунхузов созвучны средневековые английские народные баллады о Робине Гуде и других благородных разбойниках из Шервудского леса. Смысл их жизни – в экспроприации богатых и перераспределении добычи в пользу бедных. Идеология социальной справедливости впоследствии определила образ Робина Гуда в письменной литературе (например, «Айвенго» В. Скотта, 1819; «Робин Гуд – король разбойников» А. Дюма, 1872; «Робин Гуд. Король-Ворон» С. Лоухеда, 2006; «Робин Гуд» Д. Кинга, 1999). Аналогичные харизматики живы в исторической памяти многих народов и стали литературными персонажами: Хуан Чао (Китай, IX в.), Хон Гильдон (Корея, конец XVI–XVII вв.), Исикава Гоэмон (Япония, XVI в.), Кероглы (Ближний Восток, Средняя Азия, XVII в.), Михель Кольхаузе (Германия, XVI в.), Дардо Бартоли (Ломбардия, XII в.), Юрай Яношик (Словакия, XVIII в.). По мнению А.А. Забияко и И.А. Дябкина, хунхуз проявляет рыцарский идеал и является «маньчжурским Робинот Гудом» [4. С. 181].

Трагическое решение темы представлено в «Разбойниках» (1781) Ф. Шиллера. Смысл разбоя Карла фон Моора – возмездие, герой наказывает бесчестных богатых, отдаёт деньги сиротам и бедным юношам на обучение; он верен клятве верности разбойникам и потому отказывается от любви Амалии; наконец, он совершает последний великодушный поступок: отказавшись от насилия, идёт к бедняку – отцу одиннадцати детей, который должен выдать его властям за тысячу луидоров. Отметим, что Моор упоминает Робина Гуда. В своём герое Шиллер различал черты ещё одного благородного разбойника – Рока Гипарта из романа М. Сервантеса «Дон-Кихот» (1605, 1615). Герой Шиллера романтизирован, его характер в определенном смысле демоничен: Карл Моор спасает от казни соратника ценой жизни невинных горожан, его беззаконие не приводит к социальной гармонии, в его жизненной философии сосуществуют благородство и эгоизм. Таким образом, внутренние противоречия, одно за другим преследующие Моора, неразрешимы.

Об усложнении образа благородного разбойника мы судим по произведению А.С. Пушкина «Дубровский» (1833), в котором романтические черты сочетаются с реалистическими. Разбой молодого дворянина направлен против помещиков своего уезда, но Пушкин романтизирует своего героя – его поступки вызваны исключительно личной мстостью. В его истории есть ро-

мантический конфликт с роком и реалистически мотивирован конфликт с обстоятельствами. Он хладнокровен и переживает душевную скорбь, поддается порыву чувств. Он храбр, справедлив, великодушен, образован, у него светские манеры, барышни видят в нем героя романов, Верейский называет его Ринальдо – именем героя романа К.А. Вульпиуса «Ринальдо Ринальдини, атаман разбойников» (1797), воспитанная на романах А. Радклиф Маша влюбляется в него, скорее как в литературного героя. Его благородство имеет свои пределы и в целом не направлено на облегчение участи крепостных. В итоге он терпит поражение – и как мститель, и как влюбленный. В «Капитанской дочке» (1836) показан разбойник-лидер из народа, он – по-романтически сильная личность, устанавливающая для своих жертв закон своей воли. М.И. Цветаева (эссе «Пушкин и Пугачев», 1937) отметила в пушкинском Пугачеве дань романтизму и соотнесла его образ с образом Карла Моора. Вместе с тем характер Пугачева многогранен, в нем сочетается непоказное благородство и лукавство, он «харизматичен, трагичен, но его политическая авантюра на грани плутовства» [5. С. 11]. В «Истории Пугачева» (1834) описание крестьянского восстания было усилено натуралистичностью в изображении жестокости по отношению к помещикам. В связи с характеристикой хунхузничества в рассказах Шкуркина отметим описание участия в Пугачевском восстании восточных народов. Назвав их полудикими и жестокими, не привыкшими к гражданской жизни, Пушкин, оправдывал «непрестанный надзор» над ними «для удержания их в повиновении» [6. С. 327], но и написал о пленивших Хлопушу татарах, о казненных Пугачевым калмычком полковнике, киргизе, татарине, о выступивших против Пугачева калмыках. В рассказах Шкуркина хунхуз ставит себя вне гражданских законов, а его поддержка властей – случай редкий.

Неоднозначность поступков и сложность характера разбойника как литературного типа особенно проявились после Октябрьской революции; внимание было сконцентрировано на бунтаре из социальных низов, лидере с демократическими целями, заступнике народа; «послеоктябрьская историческая литература сосредоточилась на типе бунтаря» – Болотникове, Разине, Пугачеве (например, пьеса В.В. Каменского «Степан Разин», 1919; киносценарий М. Горького «Степан Разин», 1921; поэма С.А. Есенина «Пугачев», 1922; роман С.П. Злобина «Салават Юлаев», 1929; произведение Г.П. Шторма «Повесть о Болотникове», 1930; роман А.П. Чапыгина «Разин Степан», 1924–1927; роман А.П. Чапыгина «Гулящие люди», 1930–1937; роман В.Я. Шишкова «Емельян Пугачев», 1938–1945); «героями исторической беллетристики становились вожаки с трагической судьбой» [7. С. 298, 299]. Остро встал вопрос об исторической востребованности мятежника и неизбежности по сути разбойных, кровавых методов достижения справедливости: зло власти порождает зло восставших против нее. Харизма народных мстителей раскрывалась как проявление личной воли, неординарности характера, героизма, готовности вести за собой массы и жертвовать собой, но вместе с тем лидеры оказывались заложниками своей ответственности перед вооруженной массой. Жестокость Пугачева в романе Шишкова неизбежна в жестоком веке, Чапыгин показал в Разине темную стихию, но его беспощадность опять же

была необходимостью. Для Есенина пугачевщина – беспощадна, но не бессмысленна, поэт полагал, что Пушкин не отразил в Пугачеве его гениальной природы, акцентировал внимание на сходстве характеров степняков и Пугачева – он «сердцем такой же степной дикарь» [8. С. 21], он поэтизирует Азию («О, Азия, Азия! Голубая страна, / Осыпанная солью, песком и известкой. / Там так медленно по небу едет луна, / Поскрипывая колесами, как киргиз с повозкой» [8. С. 46]).

Заключение

Шкуркин не героизирует разбойника, не оправдывает его жестокость (вынужденная или бессмысленная, она в его рассказах – социальное зло, аномалия психики), не видит в нем исключительного харизматика или пассионария (каковым, например, в литературной интерпретации являются Пугачев или Разин); в большинстве его рассказов хунхузы – люди из среды, выбравшие свою судьбу или подчинившиеся ей, наделенные страстями обыкновенного человека. Шкуркина прежде всего интересуют «типичные примеры того, как китайцы делаются хунхузами» [3. С. 504]. Сам автор интегрирован в повествование; подобно Гриневу, он – русский офицер, наблюдающий, слушающий, описывающий, но, как правило, не судящий; он «интересуется всем, что касается хунхузов» [3. С. 511], включая их религиозную и бытовую культуру. Все это повышает степень достоверности характеров и сюжетных ситуаций.

Таким образом, мы отмечаем эволюцию образа благородного разбойника, универсальность и специфичность его интерпретаций. В этнографические рассказы сборника «Хунхузы» Шкуркин привнес многогранность характеристик китайских бандитов. В восприятии хунхузничества, как в целом Китая, автор – реалист-этнограф, развивший традиционную в мировой литературе тему благородного разбойника и придавший ей национальный колорит.

В заключение отметим, что рассказы Шкуркина – пример, на наш взгляд, того «чистого и безусловного» [9. С. 40] ориентализма, который Э.В. Саид противопоставлял тенденциозному шпенглеровскому, или фрейдовскому, или дарвинскому.

Благодарности. Работа выполнена при финансовой поддержке Государственного комитета КНР по управлению фондом обучения за границей.

Список литературы

- [1] Энциклопедический Словарь Брокгауза и Ефрона: в 41 (82) т. Т. 37а (74). Ч. 2. СПб.: Типография Акционерного общества Брокгауз – Ефрон, 1903. 789 с.
- [2] *Меряшкина Е.В.* Образ хунхуза в прозе писателей дальневосточного зарубежья // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. Т. 3. № 4 (60). С. 175–180.
- [3] *Шкуркин П.В.* Хунхузы. Этнографические рассказы // Литература русских эмигрантов в Китае: в 10 т. Т. 3. Соната над Хинганом. Пекин: Китайская молодежь, 2005. С. 482–549.

- [4] *Забияко А.А., Дябкин И.А.* Образ разбойника в контексте «фронтирной мифологии» дальневосточной эмиграции // *Символическое и архетипическое в культуре и социальных отношениях: материалы международной научно-практической конференции, 5–6 марта 2011 года. Пенза – Прага: Социосфера, 2011. С. 170–182.*
- [5] *Солнцева Н.М.* Поэтическая этнология С. Есенина («Пугачев») // *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2015. № 4. С. 9–19.*
- [6] *Пушкин А.С.* Капитанская дочка // *Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1960. С. 286–411.*
- [7] *Солнцева Н.М.* Художественно-историческая проза 1920–1950-х годов // *История русской литературы XX века. 20–50-е годы. Литературный процесс. М.: Изд-во Московского университета, 2006. С. 289–328.*
- [8] *Есенин С.А.* Пугачев // *Есенин С.А. Полное собрание сочинений: в 7 т. (9 кн.). Т. 3. М.: Наука – Голос, 1998. С. 7–512.*
- [9] *Саид Э.* Ориентализм. Западные концепции Востока. М.: Русский Мирь, 2006. 636 с.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 22 сентября 2019

Дата принятия к печати: 4 октября 2019

Для цитирования:

Линь Гаунъюон, Солнцева Н.М. Хунхуз в литературной рецепции // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 1. С. 82–90. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-1-82-90>*

Сведения об авторах:

Линь Гуанъюон, аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. E-mail: linguantsyun@mail.ru

Солнцева Наталья Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. E-mail: natashasolnceva@yandex.ru

Research article

Honghuzi in the literary reception

Lin Guanqiong, Natalia M. Solntseva

Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

Outlaw is one of the archetypes in world literature. Honghuzi is the eastern version of the image of the outlaw. As his counterpart in European literature, he expressed the ambiguity, the ambivalence of human nature. Unlike the characters of F. Schiller, A.S. Pushkin and others, the image of Honghuzi is the least marked by romantic features. In the prose of the Russian emigrant writers of the Harbin diaspora, Honghuzi expresses the Chinese mentality;

the specifics of orientalism are projected onto him, and at the same time its image is extremely objective, which primarily characterizes the prose of P.V. Shkurkin – the author of the ethnographic prose about the outlaws of the border zone of the Russian Far East, Manchuria, Korea and Mongolia. The context consists of the works by Shi Naian, Pushkin, Schiller, English folklore, etc. Comparative analysis allows us to identify the individual features of the artistic perception of the Honghuzi's activities by Shkurkin. It is proved that the interpretation of Honghuzi by Shkurkin is close to the image of the robber in Chinese, English, German literature, along with Russian literature of the XIX–XX centuries.

Keywords: ambivalence, outlaw, China, Harbin diaspora, Honghuzi

References

- [1] Entsiklopedicheskii Slovar' Brokgauza i Efrona [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]: in 41 (82) vols. (vol. 37a (74), part 2). (1903). Saint Petersburg: Tipografiya Akts. ob-va Brokgauz – Efron Publ.
- [2] Meryashkina, E.V. (2014). Obraz khunkhuza v proze pisatelei dal'nevostochnogo zarubezh'ya [The image of Honghuzi in the prose of writers of Far East diaspora]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Kemerovo State University Bulletin], 3(4–60), 175–180.
- [3] Shkurkin, P.V. (2005). Khunkhuzy. Etnograficheskie rasskazy [Honghuzi. Ethnographic short stories]. *Literatura russkikh emigrantov v Kitae* [Literature of Russian emigrants in China]: in 10 vols. Vol. 3. *Sonata nad Khinganom* [Sonanta over The Xingan] (pp. 482–549). Beijing: Kitaiskaya molodezh' Publ.
- [4] Zabiyako, A.A., & Dyabkin, I.A. (2011). Obraz razboinika v kontekste “frontirnoi mifologii” dal'nevostochnoi emigratsii [The image of the robber in the context of “frontier mythology” of Far Eastern emigration]. *Simvolicheskoe i arkhietipicheskoe v kul'ture i sotsial'nykh otnosheniyakh* [The symbols and archetypes in culture and social relationships]: Materials of the international scientific-practical conference, March 5–6, 2011 (pp. 170–182). Penza, Prague: Sotsiosfera Publ.
- [5] Solnceva, N.M. (2015). Poeticheskaya etnologiya S. Esenina (“Pugachev”) [Poetic ethnology of S. Yesenin (“Pugachev”)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Moscow University Bulletin. Series 9: Philology], (4), 9–19.
- [6] Pushkin, A.S. (1960). Kapitanskaya dochka [The Captain's Daughter]. In A.S. Pushkin, *Sobranie sochinenii* [Collected works]: in 10 vols. (vol. 5, pp. 286–411). Moscow: Khudozhestvennaya literature Publ.
- [7] Solnceva, N.M. (2006). Khudozhestvenno-istoricheskaya proza 1920–1950-kh godov [Artistic and historical prose of the 1920–1950s]. *Istoriya russkoi literatury XX veka. 20–50-e gody. Literaturnyi protsess* [History of Russian literature in the 1920–1950s. Literary process] (pp. 289–328). Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- [8] Yesenin, S.A. (1998). Pugachev. In S.A. Yesenin *Polnoe sobranie sochinenii* [Full collected works]: in 7 vols. (9 books) (vol. 3, pp. 7–512). Moscow: Nauka Publ., Golos Publ.
- [9] Said, E. (2006). *Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka* [Orientalism. Western Conceptions of the Orient]. Moscow: Russkii Mir Publ.

Article history:

Received: 22 September 2019

Revised: 25 September 2019

Accepted: 4 October 2019

For citation:

Lin, Guanqiong, & Solntseva, N.M. (2020). Honghuzi in the literary reception. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(1), 82–90. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-1-82-90>

Bio notes:

Lin Guanqiong, PhD student of the Department of History of Contemporary Russian Literature and the Modern Literary Process, Lomonosov Moscow State University. E-mail: linguantsyun@mail.ru

Natalia M. Solntseva, Doctor of Philology, Professor of the Department of History of Contemporary Russian Literature and the Modern Literary Process, Lomonosov Moscow State University. E-mail: natashasolnceva@yandex.ru